

Марина Федагина

Одна

Марина Федагина
Одна
Серия «Анна», книга 3

<https://litres.ru/73786202>

SelfPub; 2026

Аннотация

Третья книга трилогии — о том, что остаётся после любви. О том, как жить с памятью о том, кого нет рядом. О том, как одиночество становится не трагедией, а домом.

«Одна» - третья книга трилогии «Анна».

"Некого ждать" - первая книга трилогии "Анна".

"Истоки" - вторая книга трилогии "Анна".

Содержание

Глава 1. Первый сон	4
Глава 2. Молитва	8
Глава 3. Ночные кошмары	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Одна

Глава 1. Первый сон

Февраль 2001 год. За стеклом морозная тишина. Снег лежал на крышах ровным белым покрывалом. Улицы пустые. Город спал. Она не спала.

Сидела и *вспоминала*. Не его лицо. Не его голос. Не их встречи. Она вспоминала *себя*. Ту, что была *до него*. И ту, что стала *после*.

Он уехал две недели назад. Без предупреждения. Без прощания. Просто исчез. Она пришла в храм. Его не было. Никто не знал, куда. Никто не говорил.

Это была ночь, когда ее Духовный Отец уехал из монастыря. В тот вечер Она, как обычно, легла спать и быстро уснула. Ночью ей приснился «сон».

Храм.

Тот, в который она ходила, но выглядел он сейчас по-другому. Стены те же. Иконы те же. Но воздух изменился. Стал густым, как туман.

Мужчина в чёрной рясе. Выше среднего. Худощавый. Длинные тёмные волосы по плечам. Утонченные черты лица. Глаза она не видела, но *чувствовала* в них силу.

Он стоял у Креста. В руках держал деревянную чашу с

водой. Вода была чистой и прозрачной, на дне были видны песчинки. Золотистые. Мелкие.

Он поднёс чашу к ней.

— Знаешь ли ты, что это? — спросил.

Она посмотрела в воду.

— Нет.

— Это смертные грехи, — сказал он. — Если возмутить воду, то они всплывут.

Она замерла. Ей показалось, что она всегда это знала: вода — не просто вода, в ней жизнь.

Он пошёл к месту, где проходит исповедь. Она шла следом.

В его руках появилась емкость с маслом. Светло-коричневым. Густым. И тонкая кисточка, которой он начал мазать её лицо. Крестообразно — со лба до подбородка. От уха до уха.

Она поморщилась. Ей не было больно. Но что то беспокоило.

Он закончил. Отступил. Посмотрел на неё. Она поняла — он её подготавливает.

Пошли к Царским вратам. Сбоку была приоткрыта дверца. И Анна увидела, как вошла маленькая женщина, покрытая тканью из коричневого материала различных оттенков. Она встала на колени перед местом, где готовят Святые Дары, начала молиться. Без слов.

Аня обернулась и увидела своего духовного отца. Отец Сергей стоял сбоку от неё и наблюдал за происходящим.

Она мысленно спросила его:

— Кто это?

Он не ответил. Просто смотрел и в его глазах читалось:
ты узнаешь. Но не сейчас.

И тогда её выдернули из сна. Резко. Без предупреждения.
Как будто кто-то схватил за плечи и вытащил *оттуда*.

Она открыла глаза. Тёмная комната. 03:17 на часах. За окном тишина. Сердце колотилось. Как будто вернулась из другого мира и тело ещё не привыкло.

Она встала. Пошла на кухню. Налила воды. Выпила. И тогда поняла. Это был не сон. Это было начало.

Утром она сидела за столом. Пила чай. Смотрела в окно. За стеклом валил белый снег. В голове поселилась пустота.

Она закрыла глаза. И увидела. Чашу с водой. Песчинки на дне. Масло на лице. Маленькую женщину в коричневом облачении. И его глаза. Без цвета. Без возраста.

— Кто ты? — прошептала она.

Ответа не было.

Но в груди стало *тепло*. Как будто кто-то положил руку на сердце и держит.

Она встала. Оделась. Вышла на улицу. Снег хрустел под ногами. Воздух резал лёгкие. Холодный. Чистый. Она шла по улице. И чувствовала: Что то начинается.

То, что было до этого — закончилось.

То, что будет после — ещё не пришло.

А сейчас — между, где только она со своим сном. С во-

просом. С *теплом* в груди.

Глава 2. Молитва

Она узнала, что он уехал и больше она его не увидит. Две недели почти ничего не ела. Лежала в постели с открытыми глазами. Смотрела в потолок.

Через две недели она вышла на работу, но продолжала молчать. Дома отвечала коротко. «Да». «Нет». «Хорошо». Плакала ночью. Тихо. Почти неслышно.

Однажды утром вышла на улицу. Дошла до перекрёстка. Остановилась у края дороги. Машины проносились мимо. Ветер трепал волосы.

И тогда в голове всплыла мысль:

Один шаг и всё закончится.

Она посмотрела вниз. На асфальт. На жёлтую полосу. На колёса машин.

И остановилась. Перед глазами возник сын. Его лицо. Его смех. Его рука в её руке. И в этот миг она поняла, что это не её мысль. Это извне. Из тёмного места, где живут те, кто хочет, чтобы люди падали.

Она отступила от края. Пошла домой. И с тех пор стала сопротивляться.

Она продолжала ходить в храм. Стояла у стены. Смотрела на икону Спаса Нерукотворного. Лицо Христа спокойное. Глаза смотрят *вглубь* неё.

Молилась молча. Не шептала слова, а просто смотрела. Внутри становилось тихо и она успокаивалась.

В один из таких дней внутри она услышала одно единственное слово:

Молись.

Она замерла. Не испугалась. Поняла.

Это — *Ответ.*

Голос повторил чётко, как приказ: *Молись за него.*

Она не спросила «за кого». Знала.

С тех пор молилась каждый день. Дома утром. В храме вечером, у той же иконы. На работе в перерыве, закрыв глаза на минуту.

Молилась за него. За своего духовного отца. И каждый раз она испытывала *боль*. В сердце. Как кровоточащая рана. Она чувствовала, как будто сердце разорвалось пополам, и одна половина осталась у неё, а другая ушла с ним.

Но не останавливалась. Потому что в этой боли была *связь*. Единственное, что осталось.

Великий Пост.

Она держала его как положено. Ходила на службы. Стояла на коленях. Читала молитвы.

Боль в сердце не уходила. Но менялась. Стало легче дышать.

Пасха.

Она пекла куличи. Замесила тесто. Добавила изюм. И её серебряное кольцо с надписью: «*Спаси и сохрани*», которое

она носила с осени, слетело.

Не увидела как и когда оно исчезло. Подумала, что упало в тесто. Она перебирала массу руками несколько минут. Не нашла.

Ладно, — подумала она. — Будет кулич с кольцом.

Тесто поднималось на глазах. Она смотрела на ведро и не понимала: откуда? Она же замесила на три кулича. В итоге испекла девять

Знак, — подумала она. — Но какой?

На Пасхальной службе она ожила. Впервые за месяцы улыбнулась. Спела «Христос Воскресе». Причастилась. Вышла из храма и в груди было легко. Не счастье. Не радость. Покой.

Как будто кто-то сказал ей: «Ты на правильном пути. Иди дальше».

Через несколько дней она была с мужем. Физически. Тело его рядом. Руки на её теле. Дыхание в ухо. Но перед глазами стоял другой.

Александр.

Его лицо. Его глаза. Его руки прижаты к её щекам. Смотрит и тихо улыбается, как будто знает что-то, чего она не знает.

Она закрыла глаза.

Это не он, — сказала себе. — Это память. Или...

Или что-то большее.

Она понимала разумом: ребёнок от мужа. От Максима.

Физически его.

Но сердце говорило другое. Что ребёнок от любви. От той любви, которая была между ней и Александром. Она притянула сына в этот мир.

И в этот миг поняла. Будет сын. И его имя — Александр. Через месяц тест подтвердил её догадки. Две полоски. Чёткие. Ясные.

Да, — подумала она. — Так и должно быть.

Сообщила мужу. Родителям. Детям. Максим молчал. Потом кивнул.

— Хорошо.

Дети восприняли нормально. «У нас будет братик».

Она была счастлива, но появилась тревога. Она ещё не знала. Но уже чувствовала. Что-то придёт. Из тьмы. За ней. За ребёнком. И она будет сопротивляться. Как сопротивлялась на краю дороги. Как сопротивлялась голосу внутри. Как сопротивлялась всему.

Потому что теперь она не одна. Теперь их двое.

Глава 3. Ночные кошмары

Март 2001 год. Первые дни беременности. Ещё не видно. Ещё не чувствуется.

Первый сон.

Она шла по коридору. Тёмному. Узкому. Старые обои отслаиваются от стен. В конце на стене висит зеркало. Большое. В старинной раме.

Остановилась перед ним.

И женщину с тёмными глазами. Губы сжаты. Волосы расчёпаны, а потом всё поплыло. Лицо потекло. Как воск от свечи. Сначала лоб. Потом щёки. Потом начали вытекать глаза. Тёмная густая жидкость стекала по щеке. На месте глаз оставалась пустота. Две чёрные дыры.

Она смотрела и понимала, что это зло. И этим злом является она сама. Но не крикнула. Не ударила зеркало. Просто смотрела пока всё не стекло вниз и от лица не осталось ничего.

Туча.

Чёрная. Плотная. Как туман. Нависла над ней. Подкралась тихо. И потянула к себе. Холод тут же проник в тело. В душу. Она почувствовала: туча хочет *всосать* её.

Животный ужас, парализующий тело, накрыл её. Она закричала и вытолкнула себя из этой тьмы.

Проснулась от того, что по телу струился холодный пот,

а сердце стучало как молот по наковальне. Она была опустошена. Как будто туча вытянула из неё всё. Всю силу. Всю энергию. Всю жизнь.

Лежала. Смотрела в потолок. Не двигалась.

Это не сон, — подумала она.

Ночь за ночью её изводили маленькие твари. Смешные с виду, если бы не глаза. Они напоминали слоников. Толстые тела. Короткие ножки. Но на морде были пяточки и клыки. Слюна на губах.

И глаза. Злые. Смеющиеся. Как будто знают что-то, чего она не знает. Как будто наслаждаются её страхом. Ползали. Прыгали. Кружили вокруг неё.

Она кричала молитву. Не шептала. *Кричала*.

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешную!»

И крестила их. Руками. В воздухе наносила на них большой крест.

Твари визжали. Отскакивали. Падали. Исчезали.

Но возвращались. Ночь за ночью. Волна за волной.

Первая волна.

Не пересчитать. Сотни. Тысячи. Заполняют всю комнату. Ползут по стенам. По потолку. По полу.

Она кричит. Крестит. Отбивается.

Они отступают. С визгом. С хохотом.

«*Мы вернёмся*», — слышит она в их смехе.

Вторая волна.

Сильнее. Злее. Глаза красные. Рыла искажены яростью.
Она кричит громче. Крестит шире.
Они отступают. Но уже *медленнее*.

«*Ты слабеешь*», — слышит она в их шипении.

Третья волна.

Одно огромное существо. Как слон. Но и не слон. Тело бесформенное. Голова как у свиньи, но в десять раз больше. Глаза пустые, холодные. Оно стоит перед ней. Не двигается. Не кричит.

И она *понимает*. Её молитва слабее этой тьмы. Слабее этой силы. Крестит. Кричит. Ничего. Тварь не отступает. Не реагирует. Стоит и смотрит.

«*Ты проиграла*», — слышит она в тишине.

И тогда возникает стекло. Прозрачное. Чистое. Как окно. Оно опускается сверху. Медленно. Тихо. Без звука. Между ней и тварью.

Тварь бросилась вперёд и отскочила. Как будто ударилась в стену.

Она смотрела. Видела тварь. Видела её глаза. Видела её ярость. Но не могла достать.

И тогда изнутри послышался голос: «*Это молитвенный щит*».

Больше ничего. Не «кто поставил». Не «зачем».

Она проснулась. На улице уже было светло.

Конец, — подумала она. — *Это было последнее.*

День.

Она встала. Умылась. Оделась.

Максим спал. Дети возились в своих комнатах. Никто ничего не знал. Никто не слышал её криков. Её молитв. Её битвы. Никто не видел тварей. Тучу. Стеклянную стену. Никаких следов. Ни царапин. Ни синяков. Ни пота на простынях. Только глубокая усталость.

Она сидела за столом. Пила чай. Думала. На кого они нападали? На неё? Или на ребёнка? Маленький. Ещё не видно. Ещё не чувствуется. Но уже есть.

И твари это знали. Знали и шли за ним. Или за ней?

Она не знала. Но понимала: молитвенный щит не её. Она не могла его поставить. Её молитва была слабее.

Кто-то другой это сделал. Кто? Она не знала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.